

Топоровский М.И.

Встреча Пушкина с царём в Кремле

Уважаемые читатели, предлагаем вашему вниманию новый перевод с польского языка хорошо известного источника, на протяжении многих десятилетий вызывающего пристальное внимание историков. Надеемся, что выявленные исследователем и переводчиком новые нюансы и особенности исходного текста окажутся полезными читающей аудитории.

О статье М. Топоровского «Встреча Пушкина с царём в Кремле»

Трудно переоценить значение А. С. Пушкина для русской культуры. Смыслы и ценности, содержащиеся в его произведениях, вот уже двести лет играют важнейшую роль в формировании национального самосознания, идентичности русского человека.

И все эти два века не прекращаются споры: кто он, Пушкин? Демократ, либерал, друг декабристов? Или - патриот, государственник, монархист? Достаточно поставить рядом два известнейших его высказывания:

«Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног - но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» (письмо П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 г.).

«Клянусь вам моею честью, что я ни за что не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Господь» (письмо П. Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г. [1].)

Представляется, что неправильно воспринимать личность Пушкина как нечто застывшее и неизменное. Александр Сергеевич Пушкин, как любой живой человек, менялся с годами. Пушкин-лицеист весьма отличается от Пушкина 1830-х годов.

Как же происходило взросление поэта, переход от юношеского легкомыслия – к творческой зрелости?

В книге великого русского художника И. С. Глазунова «Россия распятая», в главе «Тайное становится явным», приводится эпизод, который, видимо, сыграл ключевую роль в становлении личности А. С. Пушкина. Это встреча поэта с государём императором Николаем I, состоявшаяся 8 сентября 1826 года [2]. Как сказал сам Пушкин, «...я был обязан царю Николаю возвращением моих представлений на более правильную, более разумную дорогу, которую я бы долго ещё искал...»

Насколько достоверна эта история? Для ответа на вопрос рассмотрим, откуда Глазунов почерпнул данные сведения.

В качестве источника Илья Сергеевич ссылается на книгу «История русского масонства» эмигранта Бориса Башилова, вышедшую в Аргентине в 1950-х годах. Настоящее имя автора – Борис Платонович Юркевич, личность неоднозначная. Работал советским журналистом. Попал в плен под Вязьмой в 1941 году, через некоторое время оказался среди «власовцев»... Избежав выдачи в СССР, сотрудничал в Германии с НТС, затем в Аргентине работал совместно с И. Л. Солоневичем.

Разумеется, авторство воспоминаний о Пушкине принадлежит не Башилову, а упоминаемому здесь же графу Юлиушу Струтынскому, или Струтинскому [3]. Граф опубликовал свои мемуары в Кракове в 1873 году. А отрывок, посвящённый А. С. Пушкину, был перепечатан одним польским журналом в 1937 году.

Скорее всего, Борис Башилов обнаружил эту информацию в статье Владислава Фелициановича Ходасевича «Пушкин и Николай I», вышедшей в 1938 году [4]. Авторитет Ходасевича как выдающегося пушкиниста не подлежит сомнению. Нам важно, что он счёл возможным охарактеризовать Струтинского как достоверный источник.

Польский язык был родным для Ходасевича [5]. Вероятно, перевод статьи из польского издания он сделал самостоятельно.

Следует, наконец, упомянуть, что 1 марта 1966 г. профессор В. В. Пугачёв сделал в Музее Пушкина в Москве доклад на тему «Об эволюции политических взглядов Пушкина после восстания декабристов», во многом основанный на свидетельстве Струтинского [6]. Вызывает уважение смелость исследователя, который в советское время не побоялся поднять вопрос о монархических взглядах Пушкина. Впрочем, широкого резонанса это событие тогда повлечь не могло.

Вместе с тем, насколько известно, полная публикация статьи из польского журнала 1937 года на русском языке до сего времени отсутствовала. Настоящий материал призван заполнить этот пробел.

Итак, наш первоисточник – книга Берлича Саксонца «Москва (Продолжение «Бесед»»)» [7] изданная в Кракове в 1873 году. «Берлич Саксонец» – псевдоним графа Юлиуша Струтинского.

Интересующая нас статья увидела свет в польском журнале «Вядомости литератке» («Wiadomości Literackie» – «Литературные новости»), № 52-53, 26.12.1937 г., под заглавием «Встреча Пушкина с царём в Кремле» («Puszkín rozmawia z carem na Kremle»). Автор статьи – польский пушкинист Мариан Топоровский (Marian Toporowski, 1901-1971).

Автор представленного ниже перевода – Юрий Константинович Бондаренко, директор фонда «Российско-польский центр диалога и согласия», президент Фонда поддержки исторических традиций «Возвращение».

Как отмечалось выше, отрывок из мемуаров графа Струтинского ранее издавался в переводе В. Ф. Ходасевича. Перевод на русский язык предисловия и послесловия к тексту Струтинского, написанных Топоровским, осуществлён впервые.

Редакция

**М. Й. Топоровский (M. J. Toporowski)
ВСТРЕЧА ПУШКИНА С ЦАРЁМ В КРЕМЛЕ**

В забытой книге неизвестного сегодня почти никому автора первой половины XIX века Берлича Саксонца я нашёл большой по объёму и сенсационный по своему содержанию отрывок, касающийся А. С. Пушкина. Книга, написанная Берличем Саксонцем, называется «Москва (Продолжение «Бесед»»)» (Краков, 1873 г.). Книга печаталась на отдельных листах как приложение к краковскому «Краю» и представляет собой один из томов воспоминаний этого автора [8]. Автор публикует здесь содержание откровенных высказываний А. С. Пушкина на тему российской действительности, а также рассказ поэта о ходе его исторической аудиенции у Николая I в Кремле в 1826 году.

Данная публикация не зарегистрирована ни в одной из известных мне пушкинских библиографий, а также ни в одном из издательских источников, и уже только этим фактом заслуживает внимания.

Я не имею права здесь критически оценивать взгляды А. С. Пушкина на российскую действительность и содержание его разговора с царем. Я оставляю это пушкинистам. Со своей стороны я могу предоставить некоторую информацию о личности Берлича Саксонца, а

это наверняка прольет свет на достоверность его воспоминаний. Речь идёт о том, что с большой долей вероятности эти воспоминания опираются на имевшую место беседу А. С. Пушкина с Берlichem Саксонцем, а литературная форма этих воспоминаний без сомнения лишена той суровой простоты, которую имеют, например, записки Малиновского о высказываниях А. Мицкевича (и А. С. Пушкина тоже).

Под псевдонимом Берлича Саксонца выступал польский аристократ в мундире польского гусара, поэт, романист, а прежде всего автор ярких мемуаров - граф Юлиуш Струтинский. На нём и на Елене Пилсудской из дома Струтинских закончился осевший в Литве аристократический род Струтинских, который берет свое начало от Яна на Струтине Берлича Саксонца Струтинского, графа де Гуйд, воеводы инфляндского [9]. Граф Юлиуш родился 1 июля 1810 года от отца Феликса и матери Каролины из дома Любомирских. Он породнился с могущественным родом князей Голицыных через свою двоюродную сестру [10], которая вышла замуж за Павла Голицына, сына князя Сергея [11]. Это родство с высокопоставленными лицами свидетельствует о широких возможностях Струтинского в светском обществе Москвы.

Струтинского сначала воспитывали иезуиты в Романове [12], а потом гувернёры, настроенные против иезуитов. У него уже в очень молодом возрасте была широко открыта дорога для карьеры благодаря его способностям и связям.

В начале 1829 года по протекции фельдмаршала Дибича [13] Струтинского принимают в политический департамент Министерства иностранных дел и немедленно производят его в камер-юнкеры двора. В последний момент он отказывается от этого назначения и придворного титула и поступает в армию. В период его знакомства с А. С. Пушкиным мы видим его в качестве офицера (или юнкера) Митавского гусарского полка.

Основываясь на содержании его воспоминаний, можно предположить, что дело происходит в 1830 году, поскольку дальнейшие события, о которых идет речь в воспоминаниях, разворачиваются на фоне эпидемии холеры [14], а также в них говорится о том впечатлении, которое произвело в Москве известие о вспыхнувшем в Варшаве восстании [15]. Однако трудно с достоверностью установить, когда состоялся разговор, описанный в воспоминаниях, поскольку автор не придерживается строгого хронологического порядка и переплетает свой рассказ отступлениями. Впрочем, как подчеркивает сам автор, он был в Москве неоднократно и не один раз встречался с А. С. Пушкиным. Понятно, что он был частым гостем у своей сестры княгини Теофилии Голицыной, и что принимали его в самых лучших салонах Москвы, где собиралась светская и литературная элита. С А. С. Пушкиным его познакомила на одном из приемов Каролина Яниш [16]; где и у кого - Струтинский не упоминает. А сейчас мы переходим к самим воспоминаниям.

На одном из вышеуказанных вечеров я познакомился с А. С. Пушкиным. Соединяющим нас звеном стала поэтическая панна Каролина Яниш, которую А. Мицкевич [17] учил польскому языку, и которая перевела на немецкий язык несколько его произведений. Она-то и представила меня А. С. Пушкину. Ее лестная рекомендация снискала благосклонность А. С. Пушкина. Мы сблизились друг с другом, поскольку в натуре этого великого человека сердечность шла об руку с силой таланта, а его открытость не была стеснена холодной дипломатической спесью, свойственной людям заурядным и глупым.

Я понимал, что он старается снизойти до моего уровня, свести свою гениальность до моей меры понимания вещей и придать нашим отношениям дружеский характер: равного с равным, славянина со славянином. Я был ещё молокососом, тогда как он вступил в пору мужской зрелости. Я был никем, тогда как он был уже славой своей Отчизны и на страницы истории вписал свое бессмертное имя. Однако, несмотря на мою незначительность, я так близко соприкоснулся с его душой и такое в ней пробудил доверие, что она полностью открылась передо мной, развернулась длинным рядом доверительных признаний - как перед другом детства, как перед сердечным братом. Его открытой натуре, подпитанной симпатией, которую он ко мне испытывал, не требовалось долгих раздумий, чтобы раскрыться передо мной. Не прошло и двух недель с момента нашей первой встречи, а я его уже очень хорошо понимал и читал его как открытую книгу. Я приведу некоторые его откровения, имеющие связь с предметом моего рассказа.

- Молодость, - говорил А. С. Пушкин, - это горячка, жар, страсть. Импульс, который её стимулирует, обычно бывает благородным, даже великим в своем моральном значении, но чаще всего приводит к глупости или к огромному чувству вины. Ты ведь знаешь - поскольку судачили и писали об этом много, - что меня считали либералом, революционером и конспиратором, словом, одним из самых яростных антагонистов монархии, царизма? И я действительно был таким. История Греции и Рима оказала исключительно сильное влияние на мой разум: республиканская форма правления, освященная ореолом великих личностей, мудрецов, философов, законодателей, героев, по моему убеждению, была самой совершенной.

Философия XVIII века, которая ставит эмансипацию и свободу человека единственной целью и стремится к этой цели, отрицая все прежние социальные и политические права, всей силой сарказма выступая против того, что на протяжении веков было принято, против того, к чему поколения людей относились с уважением, - эта философия энциклопедистов, которая так много хорошего, но значительно больше плохого принесла миру, и мне нанесла немало вреда.

Буйные теории абсолютной свободы, которая не признает верховенства над собой ни земли, ни неба; индивидуализм, оторванный от принципов, традиций, обычаев, семьи, народа, государства; отрицание какой-либо веры в посмертное будущее души, отрицание религиозных форм и догматов, - всё это наполнило мою голову каким-то обольстительным и иллюзорным хаосом снов, грёз, идеалов, среди которых плутал мой разум, пробуждая во мне глупые намерения. Мне казалось, что подчинение закону было проявлением слабости, что любая власть была

злоупотреблением, что любой монарх был угнетателем, тираном своей страны, а значит, не только было позволительно, но похвально целиться в него и словом, и делом. Что же тут удивляться, что под влиянием такого умственного отклонения я поступал неразумно и писал провокационные вещи - с юношеской бравадой, которая несла для меня опасность и вела к наказанию? Как же я был счастлив, когда мне запретили въезд в обе столицы и поместили под строгий полицейский надзор! Я представлял себе, что я великий человек и дьявольского Петра наполняю царственной властью. Я представлял себе, что я стою в одном ряду с мужами Плутарха и заслуживаю посмертные оvationи в Пантеоне! Однако всему свое время, и всё имеет свой конец.

Время остудило горячий пыл молодости. То, что было по-детски незрелым - испарилось. То, что было недостойным, - исчезло. Сердце обратилось к разуму со словами снизошедшего откровения, и, послушный спасительному знамению, мой разум внезапно пришел в себя, успокоился и остыл. А когда я осмотрелся вокруг, когда вникнул внимательнее и глубже в то, что видел, то осознал и понял, что то, что я прежде считал правдой, было ложью; что то, перед чем я преклонялся, было заблуждением, обманом; что то, что я поставил целью своих устремлений, оборачивалось виной, падением, позором! Я осознал, что абсолютная свобода, не ограниченная никаким Божьим законом, никакими общественными принципами, та свобода, о которой мечтают и рассуждают молокососы или безумцы, немислима, она даже была бы губительна, как для личности, так и для общества; что без легальной власти, которая заботится о жизни народа, не было бы Отчизны, не было бы ни государства, ни политического могущества, ни исторической славы и прогресса; что в такой стране, как Россия, где существует разнообразие государственных элементов, огромные пространства, темнота народных масс, ба - даже и дворянства, - требуется мощный направляющий импульс; эта власть должна быть объединяющая, гармонизирующая, охранительная и долго ещё диктаторская, т.е. самодержавная, поскольку иначе она не была бы внушительной и грозной силой! У нас же до сих пор присутствует необходимость ей покоряться, видеть в ней всемогущество Божьего мандата и слышать в ней голос самого Бога.

Конечно, этот абсолютизм царизма, это самоуправление одного человека, который выше, чем законы, поскольку сам является законом, не может оставаться неизменной и по-прежнему обязательной нормой; он должен подвергнуться постепенной модернизации и половину своей власти разделить когда-либо с народом. Однако это не скоро ещё наступит, поскольку скоро наступить не может и не должно.

- Почему не должно? - с удивлением спросил я.

- То, что происходит внезапно - вредно, - отвечал Пушкин. - Глаза, привыкшие к темноте, к свету следует приучать постепенно. Рождённого в рабстве следует постепенно приучать к разумному использованию свободы. Ты понимаешь? Наш народ ещё темный, почти дикий, ему волю дай - он ошалевает. И дворянство наше не лучше. За внешним блеском скрывается глубокий внутренний мрак. В народе, по крайней мере, до сердца докопаться, а в нём - и сердца нет! Кто же

настоящий угнетатель народа? Оно! Кто тормозит его развитие, развитие его культуры и рост его благосостояния? Оно! Кто сводит на нет все усилия правительства, направленные на улучшение быта народа? Оно! У нас каждый помещик является деспотическим властелином своих подданных. Он кормится их потом, упивается их кровью! Ценой их труда дворянство оплачивает расточительные заграничные путешествия, из которых возвращаются с пустыми карманами и с головой, наполненной философскими, филантропическими и прогрессивными идеями, которые оно торжественно провозглашает у себя. Все это сочетается с удвоенным грабежом бедного холопа и со звериным издевательством над ним.

- А что же правительство на это? - спросил я.

- Высшая власть не знает об этом, поскольку нижестоящая власть подкуплена! - ответил Пушкин, вскакивая с места.

- Но ведь есть же губернаторы, предводители дворянства, окружные жандармские начальники, через которых правда должна дойти до самых высоких уровней управления, до самого царя.

- А разве эти губернаторы, - прервал меня Пушкин, - не являются сами помещиками? А разве у этих предводителей дворянства нет подчиненных? Ворон ворону глаз не выклюет, мой друг! С волками жить - по волчьи выть. Эта истина извечная и неоспоримая.

- И от этого ещё более печальная! - воскликнул я.

- Правильно, - продолжал далее Пушкин, - невесело, мой друг, смотреть на то, что у нас происходит. Однако было бы несправедливо сваливать всю тяжесть вины на царя Николая. Я знаю это лучше, чем многие другие, поскольку у меня была возможность убедиться в этом.

Не подкупил он меня ни ценой золота, ни ценой лъстивых обещаний, поскольку он знал, что я неподкупен и милости при дворе не ищу; он также не ослепил меня блеском монаршего ореола, поскольку привык я видеть гораздо более сильный блеск в высоких сферах вдохновения, где витает мой дух: царь не вынуждал меня отказаться от своих убеждений, поскольку кроме совести и Бога я никого не боюсь и не задрожу ни перед кем. Я такой, каким и был, каким до конца дней останусь в глубине своего естества: любящим свою Родину, преклоняющимся перед свободой и славой Отечества, уважающим истину и стремящимся к ней в меру силы своего духа и сердца. Тем не менее, я должен признать - почему бы это не признать? - и ты поймешь меня, что я был обязан царю Николаю возвращением моих представлений на более правильную, более разумную дорогу, которую я бы долго ещё искал – может, напрасно, - поскольку я смотрел на мир не невооружённым взглядом, а через призму, которая окрашивала ложью самые простые истины. Я смотрел на окружающий мир не как человек, знакомый с анализом реальных потребностей общества, а как юнец, студент, поэт, которому хорошим кажется всё то, что его вводит в заблуждение, создаёт иллюзию, всё то, что ему льстит и его увлекает.

Я помню, что когда мне объявили приказ царя явиться перед ним, мой дух помутился и ожесточился - не от тревоги, не от беспокойства, нет, от чего-то похожего на ненависть, злобу, презрение.

Мой мозг ошетинился эпиграммой - с уст готова была сорваться издевательская насмешка. Мое сердце потрясло нечто, похожее на знак, ниспосланный самой судьбой. Казалось, этот знак призывает меня к роли стоического республиканца, Катона, да даже и Брута!

Сложно передать все оттенки чувств, которые я испытывал во время своей принудительной поездки в царский дворец. И что же? Они все лопнули, как мыльные пузыри, канули в небытие, как ночные призраки, когда он явился передо мной, когда он обратился ко мне. Вместо горделивого деспота, тирана с кнутом, я увидел величественного монарха с рыцарским достоинством и благородным обликом. Вместо угроз и оскорблений, грубых и резких слов, я услышал снисходительный упрек, высказанный доброжелательным тоном.

- Ну и что же? - царь обратился ко мне, - и ты тоже недруг своего монарха? Ты, кого Россия вырастила и воспитала! Славой покрыла! Пушкин! Пушкин! Это не хорошо! Так не должно быть!

Я онемел от удивления и волнения, слова замерли на моих устах, и мне казалось, что его звучный голос всё ещё отдаётся в моих ушах, что он поощряет меня довериться ему, что он призывает меня опомниться.

Минуты пролетали, а я не отвечал.

- Почему же ты ничего не говоришь? Ведь я жду?! - изрёк царь и прошил меня взглядом.

Отрезвленный этими словами, а в ещё большей степени - его взглядом, я наконец-то пришёл в себя, успокоился и спокойно произнес:

- Я виноват. И жду наказания.

- Я не привык спешить с наказанием! - сурово возразил царь, - я рад, если возможно избежать этой необходимости. Но я требую откровенности и полного подчинения моей воле. Я требую от тебя, чтобы ты не заставлял меня быть суровым, чтобы ты помог мне быть снисходительным. Ты ничего не возразил на обвинение, что являешься недругом своего монарха, почему?

- Простите меня, Ваше Величество. Не отвечая сразу на Ваш вопрос, я дал повод к тому, что Вы меня неправильно поняли. Я никогда не был недругом своего монарха, но я был врагом абсолютной монархии.

В ответ на это мое смешное признание царь улыбнулся и обратился ко мне, похлопав меня ладонью по плечу:

- Сны италийских карбонариев и немецкого Тугендбунда! Республиканские фантазии всех вместе взятых гимназистов, лицеистов, недоразвитых мыслителей из университетских аудиторий! С виду заманчивые и привлекательные, а по существу - пустые и вредоносные! Республика - это утопия, это переходное, ненормальное состояние, которое приводит в конечном результате к диктатуре, а через неё - к абсолютной монархии.

В истории не было примера такой республики, которая в трудную минуту обошлась бы без управления одним человеком и которая бы не погибла, не найдись в нужное время достойного руководителя.

Мощь государства заключается в централизации власти; ибо там, где управляют все - никто не правит; ибо там, где всякий является законодателем - нет ни стабильного законодательства, ни единых политических стремлений, ни внутренней устойчивости и согласия. Что же за этим следует? Анархия!

Царь замолчал, несколько раз прошелся по кабинету, потом внезапно остановился передо мной и спросил:

- Что же ты мне ответишь, поэт?

Я отвечал:

- Ваше Величество, кроме республиканской формы правления, которая входит в противоречие с огромными просторами России и многообразием её народонаселения, существует ещё и иная политическая форма правления, а именно конституционная монархия...

- Такая монархия хороша для государств, окончательно сформировавшихся, а не для таких, которые находятся в процессе своего развития и роста. Россия до сих пор не вышла из периода борьбы за своё существование. Она не получила всех необходимых условий для развития своего внутреннего обустройства и культуры. Она не дошла ещё до предела своего политического предназначения. Она ещё не достигла пределов, соответствующих её величию. Она ещё не является до конца цельным образованием, поскольку элементы, из которых она состоит, до сих пор не согласуются друг с другом. Их сближает и соединяет только автократизм - неограниченная, а значит, всесильная воля монарха. Без неё не было бы развития, и любое потрясение обрушило бы государство.

(Спустя минуту.)

- Ты считаешь, что если бы я был конституционным монархом, то сумел бы свернуть шею революционной гидре, которую вы сами, сыновья России, взрастили на гибель России? Ты считаешь, что очарование самодержавной власти, данной мне Богом, не помогло удержать в узде оставшуюся верной мне часть гвардии и усмирить уличный сброд, всегда готовый к бунту,

насилию, грабежу? Этот сброд не посмел бунтовать против меня, не посмел! Ибо самодержавный царь был для него живым воплощением божественного всемогущества, наместником Бога на земле: этот сброд знал, что я понимаю смысл величия обязывающего меня мандата, и что я не являюсь человеком без выдержки и воли, который склоняется перед бурей и страшится раскатов грома.

Когда царь это говорил, казалось, что он растёт и увеличивается на глазах, наполняемый чувством собственного достоинства и силы. Он имел суровый облик и сверкающий взгляд. Однако это не были знаки гнева - нет! В этот момент он не гневался, но мерялся силами с противником, мысленно с ним боролся и побеждал. Одновременно он был и горд, и доволен собой. Вскоре выражение его лица смягчилось, огонь в глазах потух, и он снова прошёлся по кабинету, встал передо мной и изрёк:

- Ты ещё не всё мне сказал. Ты ещё не полностью очистил свои мысли от мути предубеждений и ошибок. Может быть, что-то ещё беспокоит и терзает твоё сердце? Признайся смело. Я хочу тебя выслушать и выслушаю.

- Государь! - я отвечал с вдохновением, - ты свернул шею революционной гидре. Ты совершил великое дело - кто будет возражать? Однако... есть ещё одна гидра, чудовище страшное и опасное, с которым тебе следует бороться; которое ты должен победить, иначе оно тебя одолеет!

- Объясняйся яснее! - прервал меня царь, готовый внимательно выслушать каждое мое слово.

- Этой гидрой, этим чудовищем является произвол административной власти, безнравственность её институтов, продажность судов. Россия стонет в объятиях гидры злоупотреблений, насилия и вымогательства, которая глумится даже над высшей властью. На всем пространстве государства нет такого места, куда бы не добралось это чудовище! Нет такого сословия, которого бы оно не коснулось. Общественная безопасность у нас ничем не гарантирована! Справедливость находится в руках палачей! Совестью и благополучием семьи торгуют воры! Ни у кого нет уверенности в сохранности ни собственности, ни свободы, ни жизни! Судьба каждого человека висит на волоске - ибо не право определяет судьбу каждого человека, а любой чиновник, доносчик или соглядатай! Что же тут удивляться, Ваше Величество, что нашлись люди, которые решились разрушить сложившееся положение вещей? Что же тут удивляться, что они, возмущенные видом унижений и страданий своей Родины, обиженные на правительство, подняли знамя сопротивления, раздули пожар мятежа, чтобы сокрушить то, что существовало, и провозгласить то, что должно возникнуть на старых руинах. Вместо притеснения и угнетения - свобода! Вместо насилия - безопасность! Вместо продажности - нравственность! Вместо злоупотреблений официальной власти - защита законом всех и равенство всех перед законом!

- Вы могли, Ваше Величество, осудить логику этого замысла, нелегальные способы его воплощения, чрезмерную дерзость этого начинания - но этот благородный порыв Вы не можете осудить! Вы могли и имели право осудить виновников, которые в помешательстве

патриотического порыва вознамерились свергнуть трон Романовых. Однако я уверен, что даже наказывая их, в глубине души Вы не откажете им ни в сочувствии, ни в уважении! Я уверен, что если царь наказывал, то человек прощал.

- Слова твои смелые! - изрек царь сурово, но без гнева, - значит, ты одобряешь бунт? Оправдываешь государственный переворот? Покушение на жизнь монарха?

- О нет! Государь! - я обратился к нему с волнением, - я оправдывал только цель этого начинания, а не способы его осуществления! Ваше Величество! Вы умеете заглядывать в душу - загляните в мою, она чиста и открыта перед Вами! В такой душе злонамеренный порок не гнездится, преступление не зреет!

- Я хочу верить, что так оно и есть, и верю! - ласково обратился ко мне царь, - есть в тебе и благородные принципы и благородные порывы, но не хватает благоразумия, осмотрительности, опыта, основательности и устойчивости. Когда ты видишь зло, ты возмущаешься и легкомысленно обвиняешь власть в том, что она в тот же час не разрушила это зло и что на его развалинах не поспешила воздвигнуть здание всеобщего благоденствия! - *Sachez que la critique est facile et que l'art est difficile* [18] - для радикальной реформы, которая необходима России, недостаточно одной только монаршей воли, каким бы энергичным и могущественным он ни был. Для достижения этой цели монарху нужно действовать сообща с народом, нужно время. Необходимо объединить все наивысшие духовные ценности страны в одну великую прогрессивную идею; необходимо объединить все усилия и весь пыл в одном, похвалы достойном стремлении сформировать чувство национальной гордости и достоинства. Пусть лучшие и талантливые люди объединятся вокруг меня. Пусть они уверуют в меня. Пусть неумоимо и единодушно пойдут туда, куда я их поведу. Тогда эта гидра будет побеждена, тогда эта гангрена, разъедающая силы России, отступит! Ибо победа - только в объединении всех сил, а спасение - в единении благородных сердец!

- Что касается тебя, Пушкин, - ты свободен! Я забуду, что было - я уже забыл! Я не вижу здесь перед собой государственного преступника - вижу только человека сердца и таланта, вижу великого поэта-прорицателя народной славы, на которого возложена почетная миссия призывать добродетель и воодушевлять на великие дела!

Теперь ты можешь идти! Где бы ты ни поселился – а выбор зависит от тебя, - помни, что я тебе сказал и как с тобой поступил. Служи Отчизне мыслью, словом и пером! Пиши для современников и потомков. Пиши вдохновенно и свободно, поскольку твоим цензором буду я.

* * *

Таким было содержание рассказа А. С. Пушкина. Самые яркие его моменты глубоко отпечатались в моей памяти, и я привёл их почти дословно.

Действительно ли произведения А. С. Пушкина получали в дальнейшем разрешение от царя на публикацию или проходили обычную процедуру проверки в комитете по цензуре - с уверенностью утверждать не могу. Мне как-то не пришло в голову спрашивать об этом А. С. Пушкина, и благосклонный читатель легко это себе объяснит, когда постарается представить, что я был тогда ещё очень молод, и что другие, более привлекательные темы возбуждали мой интерес.

* * *

Вышеприведённый рассказ является слишком сенсационным по своему содержанию и значительным по объёму, чтобы сам факт его существования не пробуждал чувство недоверия и скептицизма, не говоря уже о том, что данный эпизод укрылся от ока пушкинских библиографов.

Сами обстоятельства несомненно доверительного рассказа, который был адресован очень молодому человеку, случайному знакомому А. С. Пушкина, а кроме этого форма, в которой представлен разговор, реконструированный сорок лет спустя - если принять во внимание дату публикации, - её литературное оформление и подробность рассказа, несомненно вызывают обоснованную критику.

С другой стороны, давайте примем во внимание, что аудиенция А. С. Пушкина в Кремле продолжалась больше часа, как указывает барон Дельвиц [19], и больше двух часов, как сказано в донесении агента Локателли [20], а значит, она могла дать достаточно материала для рассказа.

Правда, у Струтинского нет той детали, о которой упоминают Хомутов [21] и барон Корф [22], а именно вопроса Николая о том, принял ли бы А. С. Пушкин участие в восстании декабристов, если бы он на тот момент был в Петербурге, тем не менее, у Струтинского есть развитие этой темы.

Я позволю себе сделать эти небольшие замечания как бы на полях, поскольку, как я упоминал, я не являюсь пушкинистом и не могу считать себя даже дилетантом в области обширных знаний об А. С. Пушкине. Мне сложно высказывать какое-либо суждение о достоверности рассказа [23].

Единственное, что я могу сделать, это добавить ещё несколько деталей из биографии автора воспоминаний, которые косвенно могут оказаться полезными. Причем я должен подчеркнуть, что когда я ближе познакомился с частью литературного наследия Струтинского, этот писатель произвел на меня впечатление человека честного и заслуживающего доверия. Правда, в воспоминаниях Струтинского случаются неточности и явные ошибки, например, он дважды указывает 1826 год как дату восстания декабристов. Однако эти ошибки, равно как и тот факт, что он опускает известные по другим источникам

исторические подробности, могут в определенных случаях свидетельствовать в пользу автора, снимая с него подозрения в сознательной мистификации.

Струтинский не сделал карьеры ни в жизни, ни в литературе. Его любовь к военному ремеслу входила в конфликт с определенным идеализмом его порывов и с большими, хотя менее обоснованными, литературными амбициями. В поэтическом творчестве ему не хватало таланта, ну и в армии ему не очень везло. Кроме того, обманым образом его лишили миллионного наследства, и до конца жизни он судился, чтобы его вернуть.

Некоторое время он был адъютантом киевского генерал-губернатора Бибикова [24]. Именно тогда помимо своей воли из-за Михаила Грабовского [25] он стал героем громкого скандала. Струтинскому было адресовано нашумевшее в свое время письмо Грабовского, в котором тот изложил свою предательскую идею морального осуждения разделов Польши и восторженного одобрения неволи путем последовательного использования для этих целей печатных органов и художественной литературы. Струтинский получил это письмо по долгу службы и должен был выступить посредником между Грабовским и представителями власти. Письмо выкрали из его кабинета до того, как адресат успел его прочитать. Благодаря многочисленным рукописным копиям, содержание письма стало достоянием широкой общественности. Ходили слухи, что пропаша письма произошла не без ведома Струтинского. Во всяком случае он не чувствовал себя хорошо на этой не особо привлекательной должности. После отъезда из Киева он направился в Петербург, где был назначен адъютантом генерала Нейдгардта [26], заместника и главнокомандующего армии на Кавказе. В скором времени состоялась его помолвка с дочерью генерала, но после смерти генерала Нейдгардта она была расторгнута. Позднее он женился на гречанке Марии Маврокордато.

Воспоминания о боях на Кавказе легли в основу первого тома «Бесед», в котором мы находим ряд подробностей, имеющих значение для истории, а также интересные с точки зрения литературы эпизоды. К этому же периоду времени относятся его геологические исследования, посвященные Кавказу и изданные в Берлине. Из Тифлиса Струтинский ездил в Тегеран в составе делегации, которая вручала подарки царя персидскому шаху; за это он был награжден орденом Льва и Солнца. Позднее он принимал ещё участие в Крымской кампании, по окончании которой ушел в отставку в звании майора. Он поселился в своем имении в деревне, а потом жил в Петербурге. В 1869 году он переехал во Львов [27], где сотрудничал с журналом «Свит». С 1872 года поселился в Кракове и здесь писал для «Края» Людвига Гумпловича [28]. Академия наук избрала его членом Комиссии по археологии. С 1836 года, когда в Петербурге появились «Essais poétiques», он издал за свою жизнь более десяти томов стихотворений (весьма слабых), романов и повестей, а также интересных воспоминаний.

В Кракове Струтинский поддерживал близкие отношения в том числе со славистом А. Г. Киркором [29], который в своё время был издателем «Теки виленской». В 1874 году А. Г. Киркор издал свой цикл краковских лекций «О литературе славянских народов-побратимов», в

которых больше всего места посвятил русской литературе и А. С. Пушкину. Я бы хотел тут подчеркнуть удивительное совпадение по времени двух достаточно обширных высказываний об А. С. Пушкине в Кракове. После смерти Струтинского в 1878 году А. Г. Киркор написал о нем большой биографический некролог в «Клосах», где весьма хвалебно отзывался о присущей Струтинскому культуре и его знаниях, указывая при этом на его необыкновенную память. Эта характерная черта достойна внимания, как и следующая информация: «Перед отъездом из Кракова Струтинский сжёг более десяти томов своих записок, переписку с самыми известными людьми не только в Польше, но и в России, и за границей. А в этих записках были заключены настоящие сокровища, которые имели отношение не только к истории литературы, но и к истории последней эпохи Литвы и Руси.»

«Вядомости литерацие» («Wiadomosci Literackie»), №52-53, 26.12.1937 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо Чаадаеву было написано по-французски, существуют разные версии его перевода. Приведённый текст опубликован в журнале «Русский колокол», издававшимся И. А. Ильиным (№5, 1928 г.).

Для сравнения – перевод из собрания сочинений, вышедшего в 1959-1962 г. в издательстве «Художественная литература»:

«...Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.»

Мог ли Пушкин в 1836 году писать слово «Бог» с маленькой буквы? Ответ на этот вопрос оставим на совести редакторов советского издательства.

[2] Встреча состоялась в Малом Николаевском дворце в Кремле. Дворец снесён в 1929 г.

У И. С. Глазунова ошибочно указано, что встреча состоялась 18 сентября 1826 г. в Чудовом монастыре. Впрочем, и Чудов монастырь был разрушен в те же годы.

[3] Польшк. Juljusz Strutyński. С точки зрения современных языковедов, по-русски правильнее писать «Струтинский».

[4] См., например, <http://hodasevich.lit-info.ru/hodasevich/kritika/hodasevich/pushkin-i-nikolaj-i.htm>. Статья вышла в газете «Возрождение», №4118–4119 за 1938 г.

Ходасевич пишет, что встреча состоялась «в Чудовом дворце», явно путая Малый Николаевский дворец и Чудов монастырь.

[5] В. Ф. Ходасевич – сын поляка и еврейки. Впрочем, как сообщают биографы, мать его с детства воспитывалась в католичестве в польской семье, поэтому родным языком поэта был именно польский.

[6] См.: *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826-1930), М., 1967.

[7] Berlicz Sas «Moskwa (Dalszy ciąg «Gawęd»»).

[8] Экземпляр этой книги я получил от пана Яна Михальского во время поисков в его великолепной библиотеке польских источников, связанных с Пушкиным А. С. Библиография этих источников будет опубликована в ближайшем будущем.

[9] Инфляндия - часть Ливонии, отошедшая в 1660 г. к Польше, а затем в 1772 г. к России. Далее входила в состав Витебской губернии (современная Республика Беларусь). (Здесь и далее курсивом выделены примечания редактора.)

[10] В девичестве Теофила Петровна Креуер (1792- 1882).

[11] Голицын Павел Сергеевич (1788-1837).

[12] Ныне г. Романов на Украине, районный центр в Житомирской области (с 1933 по 2003 г. – Дзержинск).

[13] Граф Иоганн Карл Фридрих Антон фон Дибич, на русский манер Иван Иванович Дибич - Забалканский (1785-1831) — русский полководец прусского происхождения, генерал-фельдмаршал. Умер от холеры.

[14] Первая в истории России эпидемия холеры имела место в 1830-1831 г. (с сопутствовавшими ей «холерными бунтами»). До Москвы она дошла осенью 1830 г.

[15] Имеется в виду польское восстание 1830-1831 г., начавшееся в Варшаве 29 ноября 1830 г.

[16] Дочь генерала от инженерии, впоследствии пани Рюмина. (Струтинский здесь совершает ошибку *qui pro quo* [лат. «кто вместо кого»]. Каролина Яниш, дочь профессора немецкого языка, стала женой литератора Павлова – В круглых скобках здесь примечание М. Топоровского.)

Каролина Карловна Павлова (урождённая Яниш, 1807-1893) - русская поэтесса и переводчица.

[17] Адам Бернارد Мицкевич (1798-1855) – польский поэт, деятель антирусского польского национального движения. Топоровский намекает на роман, имевший место между Мицкевичем и Яниш.

[18] Знай, что критика легка, а искусство трудно (франц.).

- [19] Барон Антон Антонович Дельвиг (1798-1831) – русский поэт, друг А. С. Пушкина.
- [20] И. Локателли – тайный агент (осведомитель) Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, высшего органа политической полиции Российской империи в правление Николая I и Александра II (1826-1880 годы).
- [21] Хомутов Михаил Григорьевич (1795-1864) – русский генерал. В 1833-1839 гг. - командир Лейб-гвардии Гусарского полка. Друг А. С. Пушкина.
- [22] Барон Корф Модест Андреевич (1800-1876, граф с 1872 г.) – русский государственный деятель. Друг А. С. Пушкина.
- [23] Несмотря на столь скромное заявление о себе (сделанное в 1937 году), по итогам своей творческой биографии Мариан Топоровский (1901-1971) признан одним из выдающихся польских пушкинистов.
- [24] Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792-1870) – русский государственный деятель, киевский генерал-губернатор в 1837-1852 г.
- [25] Михаил Грабовский (Michał Grabowski, 1804-1863) – польский писатель и публицист.
- [26] Нейдгардт Александр Иванович (1784-1845) – русский генерал. Командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами Кавказского и Закавказского краёв в 1842-1844 г. (Топоровский ошибочно называет Нейдгардта «наместником» на Кавказе. Кавказское наместничество существовало в 1785-1796 г. и в 1844-1883 г.)
- [27] Таким образом, Струтинский переехал на жительство из Российской империи в Австро-Венгрию, в состав которой в то время входили Львов и Краков.
- [28] Людвиг Гумплович (Ludwig Gumplowicz, 1838-1909) – польский социолог еврейского происхождения. Жил и работал на той части территории Польши, которая входила в состав тогдашней Австро-Венгрии.
- [29] Киркор Адам Гоноры (1812-1886) – литератор, издатель, деятель русской, польской и литовской культуры. До середины 1860-х годов жил в г. Вильна, входившем в состав Виленской губернии Северо-Западного края Российской империи (ныне г. Вильнюс, столица Литовской республики). В 1857-1858 г. издавал альманах «TeKa Wileńska» («Виленский сборник»). С 1871 г. в связи с банкротством переехал в г. Краков, бывший тогда в составе Австро-Венгрии.